

Анастасия
Абрамова - Корчагина

Разрульщица

6+

Анастасия Абрамова-Корчагина Разрульщица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65321327

SelfPub; 2021

Аннотация

А что если между мирами есть проходы, но лишь избранный может чувствовать их? Правда, для такого человека эти прогулки вовсе не забава, а служение, отнимающее много сил. Ведь кто-то же должен присмирять всех этих взбалмошных волшебных существ...

Анастасия Абрамова- Корчагина Разрульщица

1.

– Марьянка! Слезай!

Мой окрик гулко разносился в утреннем тумане, подсвеченном розовыми лучами ещё невидимого из-за горизонта солнца. Я зябко повела плечом – речная сырость проникала даже сквозь плотную узорчатую ткань летника. И как только этой оторве в одной рубашонке не холодно? Впрочем, о чём это я – ей-то, конечно, не холодно!

Дебелая девица в ответ на мой окрик заливисто захохотала и стала раскачивать ветку, на которую взгромоздилась. Ветка натужно скрипела, то наклоняясь над рекой, то стараясь вернуться к своему привычному положению, и от этого судорожного раскачивания, и от брызг, которые щедро раздавали крепкие девичьи ступни на подлёте к воде, становилось так муторно, так желчно.

Какого Велеса? Ну, вот нормальная она или нет?! Хотя, конечно же нет! Какая здравомыслящая девушка станет топиться накануне свадьбы?

– Марьянка! Растудить тебя... Слезай, оглашенная!

– Хочу и висю, – хохотнула девица.

– «Висю»? – я скрипнула зубами.

Марьянка посверкивала шалыми глазами, продолжая раскачиваться и зачерпывать воду босыми ступнями всё сильнее, будто нарочно испытывала моё зыбкое терпение. Крупные, точно самоцветы, брызги долетели до лазоревого подола моего летника и, зацепившись за узорчатое переплетение шёлковых нитей, скользнули вниз. Камка – ткань плотная, на основе – её водой не возьмёшь, и меня злили не эти водные шалости, но явное неуважение окаянной девицы. Я повела плечами и набрала воздуха в лёгкие:

– Ну-ка встала передо мной, как перед Матерью – Сырой Землёй!

Была краса – стала роса,
Ушла роса – пришла боса
Через леса
Сквозь древесца
Под небеса
Ко мне на глаза!

Марьянку подхватило, перекувырнуло в воздухе и хлопнуло передо мной. Ухмылка сползла с её толстощёкого лица, нос обижено вздёрнулся, подтягивая к себе и размашистые брови, и сочный рот, и вся эта скуксившаяся физиономия явно предупреждала о грядущем безудержном рёве, который уже готова была исторгнуть из себя эта шальная русалка.

– А ну не реветь! – рявкнула я (слёз мне и дома хватает). – Ты что же такое творишь, шкодница? Ты зачем к купцам по-

лезла, бесноватая? Они дары несли на капище, а ты уволокла подношения к себе в реку! Твоё ли это, блажница?!

Русалка хлюпала кирпатым носом и не смотрела на меня, а лишь переминалась с ноги на ногу да одёргивала полупрозрачную ткань рубахи, липнущую к крутым, мясистым бёдрам.

– А воеводу зачем чуть до смерти не защекотала? Что он тебе сделал? Он же старый! Да к тому же у него пять дочерей на выданье!

Марьянка запыхтела:

– А я что? Я ничего! Натура у меня такая... шаловливая.

– Ничего себе шалости! – рыкнула я, но более для вида – у водяного народа действительно странное чувство юмора и размытые моральные нормы. И хотя злость на строптивницу схлынула, я была не вправе ни выказать своё участие, ни ослабить оковы, ведь понимание сути нечисти не отменяет моего служения, оттого-то я и хмурила брови, оттого-то и бушевала: – Старик-то тебе чем не угодил? Ладно, женихов постылых на дно утягивать!

И тут русалка усмехнулась с таким мстительным злорадством, что я поняла: она припомнила своего стылого, нелюбного жениха, выбранного родителями, от которого она, как говорили, сбегала аж дважды – и со сговора, и с девичника. Жених был стар, скуп и лют до крайности, так что живую, бойкую невесту жалели всей деревней. Да и убегала Марьянка не просто так, с дури молодой, а к мил-сердечному дружку

– он-то и привёл её за руку после томной совместной ночи к отчому дому, мол, раз просватана, так и не блажи! Размазала девица слёзы по пухлым щекам да покорно в калиточку вошла, а как скрылся молодец в утреннем мороке, так и побежала невеста в одной исподней рубашке к реке. А уж нашли её только к вечеру – с водянистыми глазами, спутанными волосами и голубоватой кожей смотрела она из речного омута да истерично-зловеще смеялась.

Увела она вскорости в тинную бездну и жениха своего морготного, и милёночка малодушного... Ну, это простибельно: девичья месть – дело что ни на есть русалочье, однако не первое лето в нежитях ходит – уже понимать должна, когда можно бедокурить, а когда стоит юркнуть в речные волны и притаиться на дне.

Пока я распекала Марьянку, она извертелась вся, но с места сойти не могла – моё заклинание крепко удерживало её передо мной. Пару раз она кривилась, думая расплакаться или поспорить, но так и не рискнула.

– Ты всё поняла? – рявкнула я, наконец.

– Да-а-а, – плаксиво затянула русалка.

– Что ты поняла, егоза?

– Воеводу не трогать, купцов обходить стороной, – уныло подытожила нежить.

– А дары? – дожимала я.

– Что дары? – вскинула Марьянка водянистые очи.

– Не зли меня! – зашипела я.

– А, дары! Всё верну, видит Матушка, всё-всё: до колечка, до платочка – не сумлевайся. Да ещё скатного жемчуга со дна отсыплю! Ну, Лукерьюшка, ну, Хозяюшка, пусти мы меня – солнышко палит... – заныла русалка.

Солнце, действительно, уже скользнуло из-за долгого горизонта, разогнало туман и принялось яро высушивать росу и алебастровую кожу русалки.

– Ступай! – махнула я рукой, и в то же мгновение Марьянка пошатнулась, будто потеряла опору, а потом молча юркнула в прибрежную осоку, и только шумный всплеск оповестил меня о её возвращении в родную стихию.

– Я купцов к обеду пришлю – чтоб подношения на берегу были! – крикнула я.

– Всё сделаю, Лукерьюшка! – звонко откликнулась русалка.

– Ну и слава Велесу, – шепнула я, выдыхая.

Марьянка – русалка необузданная, силы я её не знала – а вдруг она смогла бы рвануть мои оковы да заморозить саму Хозяюку. Такой риск присутствует всегда. Поэтому к Воротищам я шла чуть пошатываясь, чувствуя, как отпускает напряжение, как восстанавливаются словесные силы, как возвращается мнительное здравомыслие, позволяющее ощущать своё превосходство над этими мифологическими обывателями...

В Воротища я вошла уже бодро и легко.

2.

«Какого рожна?» – бесновалась я, взбираясь на крутой холм.

Тощий дёрн с проплешинами мха, облепляющий каменные склоны, скользил под подошвами моих кожаных сапожек, и я, чертыхаясь, в который раз подхватывала тяжёлый парчовый подол, мешающий карабкаться вверх.

«Да, чтоб тебя! Куда забился-то!»

Наконец, я взобралась на гребень и глянула в пропасть – там, на дне расщелины, во всём многообразии оттенков (от изумрудно-зелёного до тускло-болотного) кондовой чешуйчатой шкуры, в мощи звериных мускулов и зловонных испарениях затхлых складок развалился древний дракон.

– Лорд! – позвала я, усиливая голос до уровня горна.

Дракон приоткрыл жёлтый змееподобный глаз.

– Вставай, лежебока! – гаркнула я, от чего с вершины нависшего утёса сорвались камни и дробно застучали по дубовой шкуре.

Лорд нехотя приподнял голову и, размяв шею, повернулся ко мне. В его зверином прищуре читалась хищная злоба.

– А, это ты, Лукреция! – растянулось в клыкастой улыбке чудище, обволакивая зловонием.

– Фу! Лорд! Ты хоть бы изредка рот полоскал! – я попыталась отмахнуться от смрадных испарений.

Дракон опустил морду, не отводя рептильных глаз от моего сердитого лица, и эта поза придала ему виноватый вид,

хотя мне было очевидно, что никакой вины за собой он не чувствует.

– Лорд! – снова грозно позвала я, в который раз удивляясь в уме, какое выразительное имечко дали этому дракону люди несколько веков назад – что же ждать от чудища, если вы сами нарекаете его господином? Впрочем, это не моё дело!

– Ты почему, змей хитромордый, почти всех красавиц сожрал? – сердито напустилась я на змея. – Кто ж тебе следующих нарожает, если в селениях одни уродины остались? Ты же весь генофонд испортил, гурман чёртов!

– Ну, Лукреция, – заблеял дракон, нервно царапая метровыми когтями землю, – я же не специально – в красавицах и жирку побольше, и мясо мягкое, ненатруженное. Я же зверь – существо подневольное, так сказать, зависимое от природы своей хищнической...

– Тебе что, заняться больше нечем? – не купилась я на точку зрения вершины пищевой цепи. – Ты же древний – помнишь пол-истории всех окрестных земель. Найми писца (или запугай его), надиктуй пару-тройку манускриптов...

Дракон задумчиво почесал лапой шею, и несколько чешуек размером с хорошее блюдо полетело на дно расщелины. Я с завистью проводила их взглядом: драконья чешуя – исключительный материал. И если бы правила позволяли, я бы забрала эти ненужные дракону пластины с собой. Конечно, я бы не стала ползать по оврагам – дракон сам с радостью наскрёб бы с дюжину чешуек, заикнись я о своём желании,

но увы – законы перехода нарушать нельзя.

– Я б в шахматы сыграл... – неожиданно вздохнул Лорд. – Но здешний люд – такие филистеры: глупы до скуки и трусливы до оскомины! Тебе ли, Владетельница, не знать!

– О, как! – я всплеснула руками так яростно, что завязки, крепившие рукава на плечах, чуть не лопнули от резкого движения. – А кто их, этих обывателей, сделал такими? Три сотни лет они живут в тени твоей блажи. И ведь слова не скажи – сожрёшь!

– Сожру, – виновато согласился дракон.

– О каком развитии, о каком прогрессе может идти речь, когда в любую минуту можешь явиться ты и выжечь полселения просто так, по прихоти? – распекала я змея.

– Могу! – грустно подтвердил Лорд.

– Вот напущу на тебя героя – будешь знать! – припечатала я.

– Напускай. Чего уж... – развёл передними лапищами дракон, привстав на задних, отчего стал похож на дрессированную болонку – такую страшную, чешуйчатую и зловонную болонку.

– Устал, что ли? – опешила я.

– А ты поживи столько веков... – начал Лорд и запнулся – никто не знал возраста Владетельницы.

Я задумалась (нет, не о собственных годах – они далеки от мифических), я думала о другом – неужели ничего не изменить? Впрочем, это не моя обязанность.

– Знаешь что, Лорд, не фиглярствуй! – сурово оборвала я дракона. – Хотел бы смерти – ухнул бы с неба на утёсы, а не лопал бы мягкотелых красавиц по субботам. Я сажаю тебя на диету – на год! Полетаешь, растрясёшь жиры, повыискиваешь кабанов, лосей там всяких, на крайний случай зайцев полузгаешь.

Дракон открыл было пасть – возможно, хотел оспорить моё решение, а может, поторговаться или даже попытаться напугать меня, однако, поразмыслив, а, более вероятно, инстинктивно подчинившись силе, не стал противиться распоряжению Властительницы и, бесплотно лязгнув зубами, покорно кивнул огромной головой.

В изножье большого холма, с которого я, проклиная всех и вся, сползала чуть ли не на зад, стояла толпа мужчин из ближайших селений. Здесь были и седые умудрённые старосты, и здоровые, широкоплечие мужи, и дерзкие налитые юноши, но все они с робким почтением взирали на мои альпинистские потуги и ждали. Пока я спускалась, сотни мыслей и упрёков вертелись у меня на языке: «Люди! Что же вы творите? Вы что, не можете объединиться? Дать отпор? Дракон стар и ленив! А вы безропотно отдаёте ему своих детей, не выставляя никаких условий, не пытаясь бороться, не мучаясь от подобного выбора. Да вы сами живёте с собственными драконами в сердцах! Так чего же вы ждёте от меня? Откровения? Чуда? Трусы и лицемеры...»

Но когда последний спуск был преодолен, я встала перед жаждущей толпой, встряхнула изгвазданную парчу с изяществом королевы, обвела присутствующих величественным взглядом и сказала коротко и невозмутимо:

– Дракону запрещено есть людей. Целый год.

Я помолчала, ожидая вопроса «А что дальше?», но его не последовало. Я вздохнула и продолжила:

– За это время вы должны принять решение, как станете жить дальше.

И я чуть было не продолжила: «Готовы ли вы сбросить иго дракона или будете продолжать терпеть его бесчинства?» – но подобные слова выходили за сферу обязанностей Властительницы и могли бы аукнуться мне лишением полномочий.

Обыватели поклонились так синхронно, будто полгода тренировались. Самый важный из старейшин почтительно заглянул мне в глаза и произнёс:

– Благодарим Вас, леди Лукреция, за помощь Вашу безмерную! Уж и не знаем, чем отплатить Вам за доброту и мудрость.

Слова об оплате были лишь оборотом речи – селяне знали, что Властительница не берёт подношений, ибо служение её бескорыстно. Это пошло испокон веков, и не им было осуждать правила, как и не мне проверять их неприкосновенность. Кроме того, дары селян были слишком скудны и невыразительны, чтобы из-за них рисковать должностью.

Я шла к Пределу, стараясь унять внутреннюю смуту. Нет,

нынче я не сомневалась в своей силе – дракон был самым адекватным из встреченных сегодня существ. Но люди... Эти малодушные, унылые, паскудные создания. Вот на кого стоило бы насрать героя! Но ведь сожрут...

Предел сверкнул лишь мне видимым глянцем, и я встряхнула головой, прогоняя крамольные мысли.

3.

– Лу пришло! Лу пришло!

В этом мире нет привычного разделения на мужское и женское. Меня окружили бойкие пушистики канареечного цвета, безбрежным мохнатым морем заполняя все изгибы пёстрой долины, оттесняя прочих обитателей и не давая им ни тишины, ни пространства.

Пушистики истошно радовались мне, ещё не понимая, что я пришла уменьшить их численность. Моя обязанность в этом «безумноватом» мире, как, впрочем, и в других, – следить за волшебными существами, за балансом их взаимоотношений, однако именно здесь я не только имела право уничтожать фантазийных существ, но мне вменялось это в обязанности.

– Садовник! Садовник! – радостно всколыхнулись притеснённые папоротники. – Лу! Как вовремя!

Сегодня они не боялись меня – не то, что пять лун назад, когда они сами заполонили долину, опутывая чужие корни и пригибая чужие бутоны к влажной земле. Нынче они ока-

зались среди обездоленных, и мой приход был им в радость.

А пушистики бойко рябили желтизной и скользили по моему кожаному фартуку, норовя вскарабкаться на плечи. Вот бы забрать парочку домой – то-то девчонки бы умилились! Но это я так, в шутку... Правила непререкаемы и мудры.

Канареечное море напирало, толкая под коленки, словно стремясь поглотить своей вездесущей радостью, и с каждым мгновением становилось всё сложнее не поддаться очарованию мягкой беззаботности. Ещё пару минут напора этого всепоглощающего счастья – и они сомнут самого Садовника – не по злобе, а от безбрежного восторга. Страхивая щебечущих пушистиков, я с трудом выпростала руку с зажатой в ней тяпкой и зашептала чудные созвучия с ломающейся интонацией и нелогичными паузами – сперва тихо, потом громче, а затем во всю мощь своей грудной клетки, добиваясь дробного эха, запоздало вторящего моему заклинанию. Металл тяпки посверкивал и брызгал искрами, которые, попав на пушистиков, схлопывали маленьких существ, словно мыльные пузыри. Наконец, от моря пушистиков осталась лишь треть, да и те сиротливо жалась по углам долины, жалостливо скуля.

Я убрала тяпку в большой карман кожаного фартука и огляделась – восстановленная гармония сияла мирным благополучием: все растущие, ползающие и летающие обитатели долины красовались на своём месте и в нужном количестве. Но всё-таки, невзирая на возвращённую идеальность,

вид унылых пушистиков вносил явный диссонанс в моё самообладание, и мне даже пришлось напомнить себе, что истребление сорняков – благое дело, что это не убийство, а поддержание порядка. Сердце ретиво дёрнулось под гнѐтом здравомыслия и тут же успокоилось, вновь стуча ровно и беспристрастно.

В Портал я вошла умиротворѐнной.

4.

– Ма-ма-ма-ма-ма-ма!!!

И так без перерыва и на одной волне. Впечатление, что стадо слонов резвится на моей голове.

– Девочки, – одѐргиваю я дочерей из-под одеяла, – дайте поспать!

И они искренне пытаются не шуметь, но у них не выходит – дети не умеют быть тихими по заказу.

– А почему она на ветвях? – раздаѐтся над ухом.

– Что? – я выглядываю из-под укрытия и упираюсь в улыбку мордашку младшенькой.

– Почему русалка на ветвях? – дочка тычет пальчиком в экран телевизора, где толстобокая мультяшная русалка с мерзким зелёным хвостом пытается удержаться на ветвях дуба.

– Она так развлекается... – отмахиваюсь я, ещё не вполне осознавая весь бред нарисованного мира.

– Как развлекается? Соскальзывает? – допытывается

дочь.

– О, Господи! Почему она должна соскальзывать? – я путаюсь в собственном одеяле, равно как и в расспросах своего ребёнка.

– Ну, а чем она цепляется – хвостом, что ли? – авторитетно встречает старшая, возникая в амбразуре моего одеяла.

Я, окончательно проснувшись, но не покидая своего убежища, начинаю объяснять дочерям:

– Наши – славянские – русалки выглядят как обычные девушки, с ногами, в исподних рубахах, с распущенными патлами... Они любят сидеть на нависающих над водой ветвях деревьев и зазывать проходящих мимо мужчин.

– Зачем? – пучит глаза младшая.

– Ну, – на секунду заминаюсь я, – они утягивают их в воду... Забавы у них такие странные...

– Как сирены, да? – деловито уточняет старшая, уже знакомая с древнегреческой мифологией.

– Ну да, похоже.

– А хвост? – не унимается младшая.

– Что хвост?

– Ариэль же с хвостом! – припечатывает малышка.

Я обречённо вздыхаю: лекция по нежити с утра да на голодный желудок – не самое приятное времяпрепровождение. Но что делать? Мать – должность круглосуточная.

– На Руси верили, что русалки – души утопленниц, они хвостов не имеют, живут в реках и омутах. А в Европе русал-

ки – морские девы без души, они-то как раз с хвостами. Ни на каких ветвях они не висят, в отличие от наших. И нечего путать кислое с пресным! Всё! Отстаньте от меня в мой законный выходной! Гриша, скажи им, – я обращаюсь к последнему спасительному средству – к мужу.

Но его половина пуста.

– А где папа?

– Ушёл! – хором рапортуют дочери.

– Куда?

Девочки пожимают плечами. Ни за что не поверю, что они отпустили его без допроса в субботнее утро. Я грозно перевожу взгляд с одного веснушчатого личика на другое. Но мои «партизанки» молчат. И мой «дознавательный» взгляд, от которого умиряется нежить, урезониваются гномы и конфузятся драконы, на родных дочерях не работает.

– Кто что хочет на завтрак? – радостно спрашиваю я, заходя с другой стороны и подкупая детей редким случаем выбора.

Моя интрига безупречна, потому что небанальна. Я усыплю детскую бдительность, готова яйца по-венски для одной, ленивые вареники для другой, а себя балую французским омлетом и лишь потом начинаю игру.

– А что же, папа голодным ушёл? – ужасаюсь я, глядя на наше утреннее изобилие.

– Он бутерброд ел. С чаем, – сдаёт позиции старшая, уже разделяя исконно женскую тревогу.

– Бутерброд! – всплёскиваю я руками. – Бедный! Оголодает, небось. Ну да, наверное, он скоро придёт.

– Не, не скоро... – я набитым ртом опровергает младшая. – Он пошёл быть героем.

Запечатав на своём лице невозмутимую улыбку, я осторожно, бочком, начинаю пробираться из кухни, чтоб не пугать детей. Для них «быть героем» – оборот речи, они – продукт современной реальности, для которых волшебство живо лишь в сказках, а сказки запечатаны на страницах книг и в рамке телевизора.

Продираясь среди хлама в кладовке, я молюсь, чтобы меч был на месте. Но его там нет.

– Твою же ... ! Герой хренов! Зря я ему на Лорда жаловалась.

Я нашариваю в кармане телефон и тыкаю в мамин номер на сенсоре.

– Мамуль, не посидишь с девчонками? Прямо сейчас. Да нет, это Гришка... вспомнил рыцарское прошлое. Я в курсе, что он в отставке! О чём ты, какая логика? Это ж мужчины, мама. Да мне без разницы – какой у него кризис! Наколдую ему копыта и рога – будет знать! Ну, конечно, шучу. Ох, мама, не начинай! Я помню правила – ты сама меня учила. Ты, между прочим, уже 10 лет как на пенсии, и за это время на Хранительницу никто не жаловался. Теряем время! Давай приезжай скорее. Вот вернусь с мужем, тогда и про кодекс поговорим.

Я даю отбой.

Интересно, почему нас называют Хранительницами, именно так – в женском варианте, если мужской должности Хранителя нет вообще? Я, конечно, не ярая феминистка, но должна же быть логика! Да и само имечко это... Хранительница... Зачем оно? В каждом мире нас величают по-разному. Что-то неправильное, неточное есть в этом имени. Я же ничего не храню – я оберегаю. И даже нет – я прихожу, когда проблемы... Я разруливаю. О, Разрульщица! Вот так честнее.

Я ядовито усмехаюсь попыткам разума отвлечься от мальчишеской выходки мужа. И ведь он знает, насколько это опасно, и понимает, что при любом исходе у меня будут проблемы, но нет! – ничто не в силах остановить настоящего рыцаря в азарте праведного гнева, даже если он давно оставил это поприще и сделал это по собственному почину. Впрочем, сейчас гневаться бесполезно. Маме понадобится полчаса, чтобы добраться до нас. Что ж, пойду дозавтракаю с дочерями.

5.

Сизый воздух духмян и тягуч. Скучное солнце едва прорывается сквозь облачную пелену, словно полдень решил притвориться сумерками, а теперь и сам поверил в обман.

Мох всё так же норовит выскользнуть из-под ноги, лишая опоры, но сегодня я в мужском облачении, и эти ландшафт-

ные выверты мне нипочём. Я взбираюсь споро, дышу ровно, приберегая гнев на финал восхождения. Уж я всыплю этим двоим! Всем достанется! И рептилии вонючей, и рыцарю полумному! Они у меня узнают гнев Разрульщицы!!!

Хребет вздыбливается под ногами последней кромкой, за которой темнеет зев пропасти. Там, на дне расщелины, древний дракон с претенциозным именем Лорд и бывший рыцарь, именуемый по паспорту Григорием, сидят друг напротив друга. Их впившиеся взгляды будто намертво связывают жёлтые, с многовековым хищным прищуром змеиные глаза и пылающие гневом человеческие очи в обрамлении кованной полумаски. И кажется, что по этой почти видимой линии проскальзывают электрические искры. Двое самых упрямых существ во всех известных мне мирах молча скрежещут зубами и ждут, кто из них первым даст слабину, кто ошибётся и будет повержен.

– Ну, – не выдерживает дракон, – твой ход, человечиска!

Рыцарь вскидывает руку – его движение выверено и безупречно.

– А я вот так! – припечатывает воин.

И двигает свою чёрную пешку на G6. Даже с гребня холма мне видно, что на шахматной доске сейчас разыгрывается один из вариантов Сицилианской защиты, который по иронии судьбы называется «Дракон».